

Мамара Навленико

ПОЛЕТ НА СВЕТ

Рассказы

ПРИВИВКА

Новенькое, с иголки, пятиэтажное здание проектного института, сияющее зимними утрами и вечерами ярким люминесцентным светом в огромных окнах, качалось от слухов и сплетен в предчувствии перемен. Сотрудники суетились и дергались, как муравьи в муравейнике, в который плеснули кипятком. Земля шаталась под ногами без пяти минут главного инженера по фамилии Гаспарян. Гаспарян была интересной сорокалетней женщиной, звали ее на русский манер Анной Васильевной. В нашем городе она окончила политехнический институт, долго работала где-то на Урале, в «ящике», как она говорила, и три года назад вернулась к родителям с пятилетним сыном, оставив позади работу, квартиру, друзей и разбитые надежды на личную жизнь.

Сначала ее взяли работать старшим инженером в технологический отдел, куда мы с моей однокурсницей Таней были направлены после окончания того же политехнического института. И тепленькими, желторотыми попали в ежовые рукавицы этой самой А. В. Гаспарян. Теперь-то уж я понимаю, как нам повезло.

Анна Васильевна нянчилась с нами, как со своими детьми, и так же, как своих детей, ругала нещадно. Вспыльчивая она была, как порох, и сколько мы проходили в «рохлях», «соплячках» и даже «чертовых куклах», сколько летело на пол чертежей, сколько было обид, пролитых слез – не перечесть. Но долго сердиться на нее было невозможно, потому что, отбушевав, она быстро входила в берега, сидела тише воды, ниже травы, а потом робко звала нас: «Таня... Вера... ну извините, я не то хотела сказать. Ну, вот, давайте еще вместе посмотрим...»

Ее инженерные решения были так великолепны, так единственно возможны, что мы с Таней между собой тихо сетовали, что нам такого совершенства никогда не достичь. Правильное решение, – говорила она, – даже внешне выглядит красиво.

Через полгода она стала нам больше доверять, через год мы стали просто «мои девчонки», и редкие «чертовы куклы» воспринимались как знак особой симпатии и доверия. К тому времени мы поняли, что она обращается так только

с теми, кого считает своими. С теми, кто ей не нравился, она была безупречно вежлива. Через год она была уже руководителем группы. На работу пришло новое пополнение, и когда мы слышали, как она распекала новенькую – «рохля!», «соплячка!» – мы с Таней вдруг жутко взревновали. И, взревновав, поняли, что мы ее любим.

Особенные отношения сложились у Анны Васильевны с Таней. Таня была приезжей, во время учебы жила в общежитии, вышла замуж за преподавателя с нашей кафедры. Муж был на пять лет старше Тани, жил с матерью в собственном доме, и Таня вошла в этот дом невесткой. Свекровь родила своего сына поздно, после сорока и без мужа. Как она говорила, – «Для себя». И решила, что и сын должен жить не своей жизнью, а для нее, матери, по ее воле и разумению. Она не хотела делить своего сына с другой женщиной, шпыняла взрослого мужчину, как маленького, успешно разбивая все его робкие романы. В Таню он влюбился насмерть и вцепился намертво, и матери пришлось отступить и впустить врага на свою территорию, в надежде избавиться от соперницы-невестки в ближайшем будущем, разыскав в ней несовершенства и открыв на них глаза сыну. Но Таня была умна, добра, хороша собой, к тому же чистюля, сын был влюблен, и найти явные недостатки было трудно, поэтому она просто тихо отравляла Тане жизнь мелкими придирками и говорила приятельницам о невестке: «Эта меченая». У Тани был маленький, чуть заметный шрамик на скуле, как оспинка. Он Таню нисколько не портил. На наши вопросы о его происхождении Таня, улыбаясь, говорила: «Пустяки, прививка!»

Скоро мы поняли, что Тане живется несладко, она часто приходила на работу заплаканная. Таня уговаривала мужа снять квартиру. Но как только он соглашался, свекровь устраивала спектакль с сердечным приступом, кричала: «Или я, или она!» Муж кидался Тане в ноги – крик, плач! Потом все мирились, и все оставалось по-прежнему. Таня бросалась на грудь Анне Васильевне, и они подолгу шептались вдвоем. Я знаю, что Анна Васильевна уговаривала Таню потерпеть, уверяла, что со временем все наладится, просила ее понять свекровь, ведь понять – это уже почти простить. Да и мужа, разрывающегося между женой и матерью, уговаривала она пожалеть. Уступает тот, говорила она, кто добрей и умней.

Отдел кадров набирал новых людей, и однажды, в коридоре, Анна Васильевна произнесла растерянно: «Колюня!...». И лысоватый крутолобый человек отозвался со странной то ли лаской, то ли иронией: «Нюточка!...». Оказывается, они были в одной студенческой компании, потом почти десяток лет не видели друг друга и теперь, встретившись, улыбались, вспоминали что-то вроде – а помнишь рыжего Ваську?.. И тому подобное. Но что-то такое странное было в интонации, с которой они произнесли это первое «Колюня!» и «Нюточка!», как будто звякнули, скрестившись, клинки.

Колюню приняли в сантехнический отдел инженером, но как-то очень быстро он стал шагать по профсоюзной лестнице, поднимаясь всё выше и выше. Анна же Васильевна стала начальником нашего отдела и сидела уже не с нами в одном огромном помещении, разрезанном плоскостями кульманов, а в кабинете, отделенном от общего зала стеклянной перегородкой. Прозрачная эта стена была предназначена для того, чтобы начальник мог наблюдать за подчиненными, не тратят ли они впустую государственное время, или, как смеялась Таня, – «чтоб

барской ягоды тайком уста лукавые не ели». Но и отдел видел, чем занимается начальник, кто к нему приходит и долго ли сидит. Тогда еще не было у нас этих темных таинственных стекол, за которыми всегда чувствуется словно бы насмехающийся человек: «Ага! Я тебя вижу, а ты меня нет!».

И вот стали все замечать, что в кабинет к Анне Васильевне зачастил Борис Сергеевич, старший инженер из строительного отдела, мужчина чуть за сорок, с каким-то невыразительным, словно бы запыленным лицом, на котором, казалось, навсегда застыло робкое выражение: «Я вас не очень обеспокоил?». Борис Сергеевич был человеком с преувеличенным чувством долга и добровольно брал на свои плечи всякую тяжесть. Последнее делало его идеальным партнером на субботниках.

Женился Борис Сергеевич на своей однокурснице из чувства чужого долга и вины за чужой грех. Его товарищ девушку «поматросил и бросил», и Борис Сергеевичу, как другу провинившегося, пришлось так долго выслушивать ее обиды и утешать несчастную, что, в конце концов, он решил на ней жениться, чтобы залечить раны, нанесенные другим.

Как рассказывали однокурсники, он опоздал на собственную свадьбу из-за того, что выпускал первомайскую стенгазету. Вся редколлегия разбежалась на праздничные дни, а ему, как самому сознательному, пришлось всю газету сочинять, писать и рисовать. Жена Бориса Сергеевича очень на него за это опоздание обиделась и с тех пор продолжала обижаться каждый день с утра до вечера. Со временем она бросила работу, занялась воспитанием дочери, не переставая при этом обижаться на мужа то за то, что дождь пошел, то за то, что дождя давно не было. Раз два в год она обижалась так сильно, что хватала дочь, кричала: «Все! С меня хватит! К маме – в Новороссийск!». И уезжала. Борис Сергеевич слал в Новороссийск телеграммы с просьбами о прощении погодных условий, тосковал по дочери, и кончалось всё тем, что брал в счет отпуска неделю и уезжал за женой. И если в это время кто-нибудь спрашивал строителей: «А что это вашего Бориса Сергеевича не видно, где он?», то любопытному отвечали с некоторой досадой: «Где-где?! Уехал! К маме – в Новороссийск!». Потому что, как водится, на работе знают друг про друга всё и зачастую даже то, о чем человек и сам еще не догадывается.

Вот и пошел по институту шепоток, что Борис Сергеевич и Анна Васильевна... Хотя мы с Таней ничего особенного не замечали. Ну сидят мужчина и женщина за стеклянной стенкой у всех на виду, ну разговаривают... То он ей что-то говорит, а она головой кивает. То она говорит, а он кивает... Ну и что? Правда, лицо у Бориса Сергеевича стало ясное, словно с него пыль стерли, выражение виноватости куда-то пропало и стало заметно, что он весьма интересный мужчина. А у Анны Васильевны её бархатные армянские глаза сияли, как черные звезды. И «рохлей» в нашем отделе как-то поубавилось.

И случилось так, что в очередной свой отъезд – «К маме – в Новороссийск!» – жена Бориса Сергеевича не получила ни телеграммы с извинениями, ни вызова на переговоры. Уехала так уехала – дело твое. Тут она, конечно, обеспокоилась, стала сама слать телеграммы. В ответ – молчание, и на переговоры муж не является. Тогда она написала письмо с вопросами своей подруге, которая работала в отделе вместе с Борисом Сергеевичем, и та просветила отъехавшую жену о существовании Анны Васильевны.

Тем временем Колюня добрался до высшей ступени – стал самым главным профсоюзным деятелем в институте, лицом важным и значительным. Разговаривал он со всеми ласково, внимательно и на каждую просьбу отвечал: «Вы напишите заявление, а мы его рассмотрим». Но распоряжался он всем единолично, и все это знали.

Таня решилась и пошла к Колюне с заявлением на квартиру, и он её ободрил и обнадежил: «Как же, как же, молодой специалист, работает в отделе такого прекрасного руководителя, как Анна Васильевна!.. Кстати, как она поживает?»

Таня чистосердечно ответила, что поживает Анна Васильевна хорошо.

– Ну что, очень сильно вам от нее достается? – ласково спросил Колюня.

– Бывает, – смутилась Таня, – так ведь за дело!

– Горяча, горяча Анна Васильевна, – засмеялся Колюня, – Ну... если что – прямо ко мне. А на квартиру вы можете твердо рассчитывать, строим дом, уже выводим четвертый этаж.

Институт, действительно, строил многоквартирный дом, и народ, волнуясь, сладко мечтал. У всех желающих, – а их было больше, чем будущих квартир, – Колюня брал заявления, и хотя ордера не были распределены, он обещал всем, и все смотрели на него преданными глазами, как Каштанка на Федюшку. Все понимали, что с ним нельзя ссориться, что эти ордера он держит, как кусочки мяса на ниточке. Бывало, Каштанка проглотит такой кусочек, а Федюшка тут же его за ниточку вытащит обратно.

Дом строился быстро, и Колюня пообещал Тане однокомнатную малометражку на первом этаже, у лифта. Это была для нее радостная перспектива спокойно спать, а не ожидать ночного визита свекрови, проверяющей, не стянула ли невестка все одеяло на себя, и не надо ли сыночка прикрыть. А ставить задвижку на дверь свекровь запрещала.

Главный инженер института неожиданно серьезно заболел, после выздоровления собирался уйти на пенсию, и Анну Васильевну приказом назначили исполняющей его обязанности. Одновременно она оставалась и нашим начальником – все не могли подобрать подходящего человека. Так что Анне Васильевне приходилось пока тянуть два воза за одну зарплату. Она стала членом местного комитета, и весьма весомым, и даже осмеливалась перечить председателю. Колюня, ласково улыбаясь, соглашался с мнением уважаемой Анны Васильевны, но видно было, что ему это очень не нравилось.

Колюня был человек терпеливый. Он знал, что за человек Нюточка и что за человек директор института, мудрый грек, лет шестидесяти, по фамилии Янаки, казавшийся нам с Таней очень старым – просто песок сыпался. Колюня ждал...

И дождался. Янаки, в отсутствие Анны Васильевны, не посоветовавшись с ней, подписал какой-то договор и, как оказалось, перечеркнул её политику в выращивании хрупких отношений с важным и денежным заказчиком. Анна Васильевна взволновалась, вспенилась и брякнула в присутствии свидетелей про Янаки: «Старый дурак!»

Через полчаса Янаки узнал горячее мнение о себе Анны Васильевны и обиделся. И тем сильнее обижался, чем яснее понимал, что он действительно старый дурак – дал пенку, и пожелал он и.о. главного инженера А.В. Гаспарян хорошенько наподдать, чтоб знала, что, о ком и в чьем присутствии говорить. Скоро представился и случай.

Анна Васильевна отбыла в командировку в Москву, в министерство, и через неделю вернулась. Так и командировка была выписана. А когда сдавала отчет в бухгалтерию, обратного билета у нее не оказалось. Анна Васильевна могла бы сказать, что билет потеряла, и ей бы оплатили не билет на самолет, а проезд поездом. Так она и сказала бухгалтеру, чтоб оплатили ей билет на поезд. И тут же простодушно поделилась, что закончила в Москве дела за два дня, отметила командировку и за оставшееся время слетала на Урал, повидаться с друзьями. Может быть, ей нужно было окунуться в прошлое, чтобы разобраться со своим настоящим. Бухгалтерша же, в свое время походившая в «чертовых куклах», с этим мнением о себе была не согласна и затаила обиду. Кроме того, ей светила квартира на шестом этаже, а хотелось на третий. И она помчалась к Колюне. Результатом свидания явилось на свет заявление в профсоюзный комитет, что и.о. главного инженера А.В. Гаспарян позволяет себе грубо оскорблять подчиненных, а также совершила прогул трех рабочих дней, чем обманула государство и нанесла ему материальный ущерб в размере полученных за эти дни командировочных и зарплаты.

Колюня явился к директору. Янаки мог бы скандал погасить, но, вспомнив «старого дурака», решил свои руки умыть, чем Колюнины развязал.

Вот тут все и началось. Бухгалтерша собирала подписи обиженных и оскорбленных Анной Васильевной. И хотя всё делалось втайне, мы с Таней слышали какие-то отголоски, но по молодости не придали этому значения. Добрые люди предупреждали Анну Васильевну, что Колюня готовит ей каверзу, на что она, дернув плечиком, небрежно бросила:

– Колюня? Да что он может придумать толкового?!

Так вот и донесли они из прошлого – Колюня свою нерасплесканную ненависть, а Анна Васильевна – непреходящее презрение.

Вскоре Колюня повесил в вестибюле красиво написанное объявление о профсоюзном собрании, где будет и подведение итогов соцсоревнования, и информация о строительстве дома, и, конечно же, – разное.

Нам с Таней на собрание идти не хотелось, но – сейчас это трудно себе представить! – не пойти на собрание было просто невозможно. Это был такой непростительный смертный грех, что на собрания все ходили дружно – стройными рядами.

Собрание было разыграно как по нотам. Директор и передовики- активисты сели в президиум. Колюня встал за трибуну, словно занял дирижерское место. Первый солист из месткома, объявив баллы каждого отдела, на нашем задержался, потоптался и вытер ноги. Оказывается, мы на какие-то десятые доли процента не выполнили план. Я видела, как Анна Васильевна встревоженно подняла голову. Предварительный подсчет давал перевыполнение. Но ведь это – как считать, и кто считает...

Следующий солист оповестил, что за отчетный период имели место нарушения трудовой дисциплины: опоздания, уход с работы раньше положенного времени. И снова наш отдел лидировал. Кроме того, мы меньше всех участвовали в художественной самодеятельности и два раза сорвали политинформацию. По всем показателям наш отдел выходил на последнее место.

Тут мы с Таней огляделись и поняли, что собравшиеся делились на три неравные части. Во-первых, враги Анны Васильевны, четко знавшие, что будет главным на этом собрании. Ах, как много, оказывается, было у нее врагов! Во-вторых,

друзья Анны Васильевны. Конечно, конечно же, были у нее друзья, хоть и числом поменьше! Друзья ощущали тревогу, не знали точно, какого подвоха ждать. Но больше всего было равнодушных. Им было просто любопытно, уж очень Анна Васильевна выделялась на общем фоне, а этого коллектив не любит.

Колюня встал и заявил: «Что можно ожидать от отдела, если его руководитель позволяет себе прогуливать, тратить государственное время, деньги...» – и пошел, и поехал. И зачитал заявление бухгалтерши с подписями. Мне показалось, что пол качнулся, и большинство равнодушных ссыпалось в сторону врагов. И на невидимых весах чаша друзей взлетела вверх, а вражья опустилась книзу. Кто-то выступал с обвинениями, кто-то с оправданиями. На кукольном представлении разыгрались истинные страсти. Друзья и сторонники держались стойко, говорили, что своей работой Анна Васильевна вполне заслужила три дня отгула и нечего поднимать бурю в стакане воды. Психологическое поле было неоднородно, и неизвестно было, чья возьмет.

И тогда Колюня, как фокусник – кролика из шляпы, вынул заявление в местный комитет жены Бориса Сергеевича, в котором говорилось, что злодейка А.В. Гаспарян разрушает крепкую семью – ячейку советского общества, оставляет ребенка без отца, что муж стал невменяемым, как будто его опоили, и она просит коллектив вразумить своего товарища, который может совершить безнравственный поступок и подать дурной пример другим легкомысленным мужьям. Зал возбужденно загудел. Анна Васильевна сидела с застывшим бледным лицом, надменно полуприкрыв свои прекрасные глаза.

И тут встал Борис Сергеевич и сказал, что одно к другому не имеет отношения, так как жизнь в его семье давно не ладится. Наверное, он плохой муж – жена постоянно уезжает к матери, и, может быть, им действительно лучше расстаться. А Анна Васильевна тут совсем ни при чем, ей он о своих чувствах никогда не говорил, не решался, а вот сейчас решился и при всех объявляет о своем уважении, восхищении, и о своей к ней любви.

Зал ахнул и затих. Анна Васильевна резко встала и, опрокинув стул, выбежала из зала. Я выскочила за ней, но успела увидеть только хлопнувшую дверь кабинета. Робко заглянув, не сразу рассмотрела в темноте Анну Васильевну. Она сидела за столом, закрыв лицо руками.

– Анна Васильевна! – бросилась я к ней.

– Уйди, Вера, прошу тебя, оставь меня сейчас... потом...

Я поняла, что нужно уйти. Когда вернулась, в зале стоял такой шум, что казалось, изумленно приподнялся потолок, да так и задержался вверху, поддерживаемый могучими децибелами. Выступала подруга жены Бориса Сергеевича и настаивала, что коллектив не должен оставаться в стороне от этой драмы и, махнув рукой, в запале открыла семейную тайну, что Борис Сергеевич и его жена взяли дочь из детского дома, и поэтому невозможно позволить Борису Сергеевичу сиротить ребенка дважды. И это была последняя капля. Все равнодушные и даже сторонники Анны Васильевны присоединились к большинству, которое не ошибается, – боялись остаться вне стаи, ведь еще не остыла сталинская могила и в хрущевскую «оттепель» верилось с трудом. Я посмотрела на Янаки. Он явно был недоволен. Наверное, он хотел легонько выпороть Анну Васильевну, потом, усмиренную, простить и все-таки назначить главным инженером, потому что такую умницу и труженицу еще поискать, как говорится, днем с огнем...

Но Колюня на директора не оглядывался, наверное, специально, и директор затруднялся дать ему знак – «К ноге!». Колюня продолжал гнуть свою линию и слова «низкий моральный уровень», «оскорбление собрания», «общественное порицание», «ходатайствовать перед администрацией» – булыжниками летели в бедную голову отсутствующей Анны Васильевны. Колюня был доволен, радостно возбужден, глаза его блестели. А я думала, за что он ее так ненавидит?

Казалось, все было кончено. Анна Васильевна была уничтожена, голосование сейчас подтвердит это, и ей не только не быть главным инженером, но, может быть, её даже уволят с работы.

Для проформы Колюня спросил:

– Может, еще кто-то хочет высказаться?..

И тут Таня робко подняла свою аккуратную, дощечкой, ладонь отличницы. Колюня мгновение поколебался, потом, наверное, вспомнив, что Таня ждет квартиру в новом доме, решил забить последний гвоздь в гроб ненавистной Нюточки.

– Ну что ж, дадим слово молодому товарищу, Татьяне м...м... Сергеевне. Она долгое время работала под руководством Анны Васильевны...

И Таня встала. Она тихо сказала:

– Товарищи! – голос ее сорвался, она пискнула...

Люди рассмеялись, кто-то крикнул: – Громче!

Я волнуясь каждый раз, когда вспоминаю об этом, представляя, как молодая – кто ее там знал, эту малявку, чуть за двадцать! – в этом зале, заполненном взрослыми матёрыми специалистами, битыми жизнью людьми, как она посмела сказать «против», когда они уже решили сказать «за»?

Таня почти крикнула: «Люди! – и потом чуть тише – Люди добрые!». И так необычны были эти слова, столько в них было взывания, мольбы, укора, надежды, что все вдруг замолчали, и если бы это было летом, можно было бы сказать, что было слышно, как пролетела муха. Но была зима, и в этой странной тишине было слышно, как жужжит неисправная люминесцентная лампа.

И Таня стала говорить. Позднее, ни она, ни я не могли вспомнить подробности ее речи. Она говорила обычные вещи о жизни, любви, о работе – ничего особенного. Но дело было не в смысле слов, а в какой-то странной силе, идущей от самого звука ее голоса. У меня, сидящей рядом, словно бы иголочками кололо лицо и руки, как будто наэлектризовался воздух. Таня не знала, что такое ораторское искусство, но тут находила такие слова, приводила такие доводы, задевала такие струны, что зал слушал, как зачарованный. Таня пошутила – и все засмеялись, у нее дрогнул голос – и женщины достали платочки, она держала паузы – и все молча переживали их. Может быть, она просто напомнила всем, что они люди, а не стая волков. И когда закончила, словно с грохотом обрушился потолок. Снова все закричали. Чаши невидимых весов поменялись местами. Настроение переломилось, и все это поняли. Что-то там лепетал Колюня, черкая заготовленную резолюцию. Лицо у него было серое. Он посмотрел в зал и увидел совсем других людей. Даже бухгалтерша с красным лицом смущенно вытиралась платочком.

Янаки смотрел на Таню внимательно, не отрываясь, потом попросил слова и спокойно, умно, без эмоций разобрал ситуацию и поставил всё на свои места.

После собрания мы с Таней медленно шли домой, и все не могли расстаться, то она меня провожала, то я ее. Небывалый в наших местах мороз хулиганил – щипал за щеки, хватал за коленки. Утоптаный снег тротуара звонко повизгивал под ногами.

– Что теперь будет, Таня? – спрашивала я.

– Ну, ты же слышала решение. Anne Васильевне поставить на вид и чтоб написала заявление – взяла три дня без содержания. Борис Сергеевич объяснил, что ничего про свою любовь ей не говорил. Все знают, что он врать не умеет. При чем тут моральный уровень? Мало ли у кого что со своей женой, она-то при чем?.. А вот со мной... Квартиру мне Колюнэ не даст, это уж как пить дать. Ну, ничего... Как-то мы со свекровью притираемся. Ребенок у меня будет, Вера. Может, она успокоится?...

– А как ты-то решилась, Таня, как ты решилась?! Мне было так жаль Анну Васильевну, так было страшно, меня всю трясло... но мне в голову не пришло, кто бы меня слушал...

– Да я и сама не знаю, что меня подняло. Я ведь не рассчитывала, что помогу ей. Просто побоялась предать.

– Предать? – удивилась я.

– Да. Предать можно и словом, и молчанием. А предавать нельзя, понимаешь? Нельзя предавать... себе дороже... Один предал и повесился...

– Кто?! – ужаснулась я.

– Иуда, вот кто!

– Ты что, в Бога веришь? – спросила я шепотом.

Вслух про Бога тогда никто не говорил.

– Не знаю, – сказала Таня, – что-то такое в этом есть... Мне бабушка рассказывала. А ты совсем не веришь?

– Я про это мало знаю. У нас в семье и разговоров нет...

Таня досадливо махнула рукой.

– Наверное, у меня прививка от предательства...

– Как это? – удивилась я.

– А вот этот шрамик на скуле. Мы во время войны в селе жили. Отец на фронте, а мать была важным человеком – районной властью. Было мне семь лет. И был у меня друг, Володька. Вместе за партой сидели, рядом жили, играли. Отец его был конюхом, на войну не взяли – хромой. Ну вот... Играли мы однажды с ребятами в пятнашки... Я вообще-то быстрее всех бегала, потому, наверное, что ела досыта. А тут вдруг Володька догнал меня и шлепнул ладошкой по спине. Я, разбежавшись, налетела на калитку, а там гвоздь ржавый торчал, и чиркнуло мне гвоздем по скуле. Кровь брызнула, я ее по всему лицу размазала. Страшно мне стало, больно и обидно, что Володька меня догнал. И заорала я так, что люди из домов выскочили. Мать схватила меня за плечи, трясет, кричит страшным голосом. Я испугалась ее крика, жалуюсь, что это меня Володька толкнул, а я не виновата. Володька стоял, как собачонка побитая, голову опустил. Подбежал его отец, схватил и потащил на конюшню. И давай его вожжами пороть, подхалимская морда. А меня мать схватила на руки и бегом в больницу.

Через несколько дней мы с Володькой снова играли вместе. И оба забыли про это. Вот только у меня маленький шрамик остался. Потом война кончилась, мы уехали в город. И я, казалось, навсегда об этом забыла. А когда исполнилось мне лет пятнадцать, и стал во мне человек лепиться, вспомнила я про эти пятнашки. Понимаешь, предала я своего друга Володьку. Сама я на этот гвоздь наскочила. Мне бы тогда заступиться за него, сказать правду. До сих пор слышу, как он вопил на конюшне. Понимаешь, никто об этом не знает. Никто. Тебе первой рас-

сказала, чтобы что-то объяснить и тебе, и себе. А теперь, как только чувствую, что не то что-то делаю, так у меня этот шрамик на скуле чешется. Прививка, честное слово...

Мы стояли молча, и только облачка пара вырывались при дыхании. И Таня опять сказала шепотом:

– Нельзя предавать, понимаешь? Никак нельзя...

Со временем всё как-то уладилось. Анна Васильевна сама отказалась от должности главного инженера и работала главным специалистом. Тане дали однокомнатную квартиру на третьем этаже, большей площади и на солнечной стороне. Янаки распорядился. Однажды в раздевалке он подчеркнуто вежливо и галантно подал Тане пальто. Все, кто был рядом, чуть не попадали. Когда он отошел, мы с Таней посмотрели ему вслед – шёл он упругим, легким шагом. Не такой уж он был старый. Во всяком случае, песок из него точно не сыпался.

Борис Сергеевич помирился с женой и ушел работать на стройку. Говорят, жена внимательно всмотрелась в своего мужа и что-то такое увидела. Во всяком случае, «к маме – в Новороссийск!» она больше не уезжала. Кое-кто осуждал его, мол, как жареным запахло, так сразу в кусты, хлипкий, мол, мужик оказался. Но ведь еще неизвестно, на что нужно больше мужества – на то, чтобы бороться за свою любовь, или на то, чтобы от нее отказаться. Это женщины придумали, что мужчинам живется легко. Нет, очень трудно быть женщиной... Хотя, конечно, и женщиной – тоже очень непросто.

УЛЫБКА

Она никогда не думала, что этот день всплывет в памяти через много-много лет. Казалось, в потоке жизни, в череде дней он навсегда канул в глубину прошлого, однако же, какое-то подспудное течение памяти вынесло его на отмель, и она вспомнила его, словно нашла, как неожиданно находишь на берегу камешек редкой формы или окраски, хотя прежде проходила мимо, не видя и не отличая его от других. Всему на свете свое время... Этот мартовский день вспомнился ярко, подробно, с запахами, звуками, предвесенним светом, всеми ощущениями юной женщины, двадцати одного года отроду.

С раннего утра щедро и безостановочно с неба сыпался снег, как будто зима перед тем, как сдать, решила вытряхнуть все свои закрома. К полудню снегопад прекратился, выглянуло солнце, и она решила после обеда пойти погулять с шестимесячной дочкой в городской парк. Девочка, одетая в зеленое плюшевое пальтишко на вате с капюшоном, закутанная в зеленое же атласное стеганое одеяльце с кружевным уголком, лишь только вдохнула зимнего, чистого воздуха, тут же крепко заснула, словно хлебнула сонного зелья. Снег был еще не утоптан, катить в парк коляску несколько кварталов было непросто, но в двадцать один год силы у нее были немеряные – справилась. В парке было безлюдно, чисто, светло и неправдоподобно красиво, как на новогодней открытке. Тёмные голые ветви деревьев были любовно и тщательно окантованы белой снеговой опушкой, переливающейся на солнце сверкающими огоньками, как будто над каждой из них отдельно и над всем парком целиком любовно потрудились искусные художники-декораторы.

Она не остановилась на центральной аллее, а пошла вглубь, где невдалеке от старинной чугунной ограды парка стояли две уютные скамейки, о которых она знала еще с дней робких школьных свиданий. Сразу за оградой возвышалась краснокирпичная церковь, конечно же, не действующая, в ней, как обычно в те годы, располагался какой-то хозяйственный склад. В детстве они с ребятами любили заглядывать в щелочки забитых окон, словно надеялись найти там некую тайну, а не кучи старых досок и бочек, которые удавалось разглядеть в сумрачном таинственном помещении.

Было тихо, пахло свежестью и чистотой, если только чистота может пахнуть, — немножко яблоками или разрезанным арбузом, или внесённым с мороза бельём. Через некоторое время она услышала чуть поскрипывающие шаги за спиной. Оглянулась. По её одиноким следам в заснеженной тишине шли две закутанные фигуры — старик и старушка. Старушка, в старом тёмно-синем зимнем пальто с потёртым, непонятного меха воротником, в валенках с галошами, в тёплом пуховом платке, и старик, в простом овчинном полушубке — позднее это стало называться дублёнкой — с завязанными под подбородком ушами зимней шапки-ушанки, в тёмно-серых, добротного подшитых валенках, шея закутана шерстяным, ручной вязки, шарфом. Наверное, жена вязала. Он аккуратно смёл пушистый снег со скамейки свёрнутой в трубку газетой, она вынула из авоськи кусок старого детского одеяльца, постелила его на сиденье. Сели. Пошептавшись о чём-то, замолчали.

Она сидела тихо, и её одолевали свои заботы о незаконченном курсовом проекте, о том, что у дочки режутся зубки, и она капризничает, что её муж-пятикурсник пишет диплом и не успевает с чертежами, и надо ему помочь. А потом заботы куда-то ушли, словно растворились, и она просто смотрела на церковь, на хоро-вод окруживших её заснеженных деревьев, словно спала, не отдавая себе отчёта, почему именно сюда она пришла, так далеко от дома, с тяжёлой коляской. Тут было так красиво, так особенно благостно, непонятно почему. Очнувшись, она посмотрела на часы — пора! — и поднялась со скамейки. Тут же старик и старушка повернули головы в её сторону и смотрели на неё так хорошо, так призывно улыбаясь! Она заметила, что его большая рука в коричневой вязаной перчатке прикрывает её маленькую красную варежку. И отметила: «Надо же, за руки держатся!» Нахмурилась, мол, улыбаются, смеются, над ней, что ли?! И, более не взглянув на них, не улыбнувшись ответно, не кивнув приветственно, молча потащила коляску по снегу к выходу на центральную аллею. И через пять минут забыла о забавных старичках.

А лет через сорок вдруг вспомнила, увидела эту картину не глазами, увидела её созревшей душой, понимая теперь, что тогда тело её было уже способно к материнству, а душа ещё спала, не готовая для осмысливания и понимания жизни. Сердце сжалось печалью и запоздалой виной: что ж это она даже не улыбнулась им в ответ! Ведь они жизнь прожили, нелёгкую жизнь, как и все в этом возрасте, в нашей-то стране! Может быть, они венчались в этой церкви! У них были хорошие, умные лица, наверное, это были старенькие преподаватели на пенсии, в городе было два института и с десятков техникумов. Пожалуй, им было хорошо за восемьдесят... И вот, через сорок лет, она поняла — они неторопливо и подробно прощались со всем, что оставляли на земле, в том числе и с ней — незнакомой им молодой матерью с ребёнком, и радовались, наверное, что жизнь продолжается, и грустили, что им скоро уходить... Через много-много лет она посылала

им вслед свою запоздалую ответную улыбку и просила прощения, и понимала, что печальная вина её останется с ней навсегда. Она вдруг осознала, что тоже давно смотрит на мир – на деревья и цветы, на море и степь, на небо и землю, с изумлённым любованием, пошучивая про себя, что Творец создал человека затем, чтобы хоть кто-то, единственный из его творений, смог оценить красоту созданного им мира. Смотрела она и на молодёжь, на молодых мам с детишками с улыбкой, нежностью и приязнью. Всему своё время...

СТРАНА НИГДЕ И НИКОГДА

Сбылись его детские мечты – он может летать. Он победил гравитацию! Еще тогда, в детстве, он догадался, что это возможно, когда узнал о великих пирамидах и истуканах с острова Пасхи. Он понял, что это возможно, потому что люди или другие существа, жившие на планете, умели это. А раз кто-то знал, как это делается, значит, и он, Артур, этого добьется. Жизнь этому посвятит, но добьется. Вот он, маленький браслетик, который он наденет на руку и полетит по воздуху, как птица. Сам принцип преобразования материи дает человеку неограниченную власть над пространством-временем. Человек становится волшебником. И впереди так много счастливого труда, без чего жизнь не имеет смысла.

Пора. Он надевает браслет, нажимает кнопку. Почему это он в костюме? Ведь нужен фрак. Да-да, ведь на церемонии все должны быть во фраках! А, неважно... Вот, уже началось! Зеркало, в которое он смотрелся, вдруг стало таять, потекло серебристыми сверкающими струями. Реальность размывалась на глазах. Стены и потолок растворились, исчезли. Он легко поднялся в воздух и закружился, как в детстве на карусели, и то забытое состояние счастья радостной неведомой силой влекло его в открывшийся проход. Да, вперед, вперед! Там, впереди – свет, там – молодые, красивые, любящие мать и отец. И кто-то бесконечно добрый, понимающий его до самого донышка души, зовет: «Иди сюда, здесь твой дом! Ты так устал, отдохни... Иди же, тебя здесь ждут!»

В этот предраусветный час Алексей тихо подремывал, надеясь, что вызовов больше не будет. Не тут-то было! Голос диспетчера стряхнул остатки сна. Вызов. Судя по всему – смерть от передозировки. Алексей внутренне сжался, но указан был адрес окраинной улицы, и он успокоился.

Сквозь полумрак загаженной лестницы они с фельдшером всунулись в смрадное логово комнаты, прошли мимо странного существа в тряпье, то ли женщины, то ли мужчины, открывшего им дверь. В углу, на сбитом комками матрасе ничком лежал полураздетый, иссохший, словно скелет, обтянутый кожей, человек. Они перевернули его, и Алексей ощутил толчок рванувшегося сердца – это был он, его школьный друг, Артур. Дальше все происходило словно во сне. Он делал все, что положено: вызвал милицию, писал соответствующие бумаги, отправил тело в морг. Теперь предстояло непосильно – тяжкое для него дело – сообщить Соне. Он сдал смену, и водитель предложил подвезти его. Алексей отказался. С такой тяжкой вестью хочется идти к цели как можно дольше, и лучше бы не дойти никогда. Но кроме него сделать это было некому.

Он ехал к Соне в трамвае, смотрел в залитое дождем окно, и непрерывные капли, стекающие по стеклу, казались невыплаканными слезами, потому что пла-

коть он не мог, а тоска давила его невыносимой тяжестью и не давала передохнуть. Самое страшное, наверное, было то, что в последнюю их встречу, четыре месяца назад, он ударил Артура. Он, врач, ударил больного, которого не смог вылечить! Он не помнил себя, когда увидел, как Артур перетягивает поясом руку Сони, своей жены, и шприц уже готов, а маленький Антошка сидит на полу в углу и смотрит огромными испуганными глазами. Он еще и Соне отвесил оплеуху, подумать только! А потом заорал: «Собирайся, немедленно, вон отсюда! Он погибает и вас с Антошкой тянет за собой! И я с вами с ума схожу!» Самое удивительное, Соня послушалась, как будто ждала, что кто-то вот так резко и повелительно скажет ей, что делать и как жить дальше. Каким-то краешком зацепилось в сознании, что Артур молчал и тихо улыбался, как будто тайно чему-то радовался.

Они с Соней вышли на улицу, с Антошкой и двумя сумками, в которые наспех побросали одежду, и он резко спросил: «Куда?!» Если бы он не любил ее, то, не спрашивая, повез бы к себе. Но он любил, и этого нельзя было делать. «К маме!» – всхлипнула Соня, и они поехали на трамвае к её маме, где в двухкомнатной квартире жила еще Сониная сестра с мужем и двумя детьми. Но не выгонят же они ее с ребенком! Он боялся спросить, какое отчаянное событие побудило Соню решиться на укол. Ведь они вместе с ней боролись за Артура. Он не спрашивал, но она все-таки начала говорить, и говорила, беспощадно называя вещи своими именами, словно специально хотела причинить ему боль. Люди всегда вымещают свои обиды на тех, кто их любит. Он никогда не говорил ей о своих чувствах, но понимал, что Соня знает. Любовь нельзя скрыть, как свет жар-птицева пера. Она рассказывала. Он не хотел этого слышать, но слушал.

То, что случилось, было вполне закономерно. Артура задержали, когда он шел с очередной, только что купленной дозой. Алексею было так тяжело, так обидно это слышать. Ведь он только что в очередной раз пролечил его. Привычная, устоявшаяся жизнь обрушилась три года назад, нужные лекарства было трудно достать, но Алексей использовал все свои связи, знакомства, где-то покупал, менял, кланчил, где-то просто стащил нужные ампулы. Он консультировался с наркологами, читал литературу и верил, верил, что вытащит своего друга. Приходил к ним домой, и пока Артур лежал под капельницей, рассказывал анекдоты, смешил Артура и Соню, заражал их своей верой. В который уж раз просил Артура: «Только ты мне помоги, пожалуйста, собери свою волю. Помоги мне, Соне, Антошке. Мы выскочим вместе, вот увидишь, я так в тебя верю!» Когда Артур приходил в себя, он сталкивался с жестокой реальностью. Он готовил себя к необыкновенной жизни, а что получилось? В то время как его сверстники, не такие умные, как он, окончили учебу, работали, кто-то открыл свое дело, а ему начинать надо было с нуля. И это было так нестерпимо, что он снова срывался, все глубже увязая в своей болезни. И сейчас Алексей почувствовал такую обиду на Артура, такое бессилие, такую усталость, раздражение, досаду и за свою неудавшуюся жизнь. С тех пор, как он вернулся в родной город, он не живет своей жизнью. Почти три года он живет проблемами Артура и Сони. И нет результата.

Соня говорила, он слушал, чуть отвернувшись, не в силах смотреть на нее. Артуру угрожал тюремный срок в пять лет. Началось хождение Сони в КПЗ с передачами, ходила она по следственным и судебным инстанциям. Лишь бы спасти Артура от тюрьмы – она понимала, что он там погибнет. Знающие люди, товарищи по несчастью, с которыми Соня познакомилась в тоскливых казенных

коридорах, научили ее, как себя вести, к кому обращаться. И, наконец, Соня получила недвусмысленный ответ. Она должна заплатить тысячу долларов, и тогда Артур получит условный срок. Сумма была огромна. Единственная возможность – поменять двухкомнатную квартиру на однокомнатную или комнату, с доплатой. Все эти хлопоты и действия требовали времени. Соня не обращалась к Алексею. Знала, что денег у него нет, и знала, в какое он придет состояние, когда узнает, что Артур снова сорвался. По телефону она щебетала, что все у них нормально.

Алексей с облегчением позволил себе отдых и не ходил к ним. Это было ему тяжело и из-за Артура, и из-за Сони. Но как только он остался наедине с собой, дала себя знать, притихшая было, его собственная тоска и неудовлетворенность, грызущая его как спрятанный за пазуху лисенок спартанского мальчика. Ему казалось, он не думал о своей мечте все эти годы и забыл все, что знал. Оказывается, все копилось где-то в недрах его души, и вот, наконец, когда он дал себе волю, его словно прорвало, идеи хлестали из него, как вода из сорвавшегося крана. Его мысли, догадки, прозрения требовали выражения хотя бы в словах. И он исписывал тетрадь за тетрадью, торопясь, надеясь, что когда-нибудь он сможет проверить свои мысленные построения лабораторными исследованиями. В заполненные этой тайной работой часы куда-то в сторону отодвигалась душевная боль, и он чувствовал себя спокойно и почти счастливо.

Пока Соня ходила на переговоры с нужным человеком, тот сумел рассмотреть ее фиалковую прелесть, отказался от денег и поставил другое условие. Соня пришла в ужас, отказалась, металась, отчаивалась. На ее отказ последовало лишь пожатие плеч: «Что ж, дело ваше!» Когда Артура жестоко избили в камере, Соня поняла – это знак для нее. В этом огромном мире никто не мог прийти ей на помощь. Зверек, попавший в капкан, может вырваться из него, если решится, преодолевая боль и страх, отгрызть себе лапу. Соня решилась.

Нужный человек обещание сдержал. Артуру дали условный срок и выпустили. Когда он вернулся, Соня обняла его, с любовью и надеждой заглянула ему в глаза. Взгляд ее провалился в пустоту. Глаза его были открыты, но смотрел он не на нее, а куда-то внутрь себя, в какие-то свои тайные глубины, куда Соня допущена не была. Она поняла, что все было напрасно. Место, где раньше умещалась его душа, заполнялось мраком. Жить каждый день с этой тьмой было невозможно, и однажды она сказала мужу: «Поделись со мной. Я хочу все забыть. Помоги!» Артур долго молчал, опустив голову, а потом сказал: «Завтра!» Утром он тайно позвонил Алексею, попросил зайти к ним часов в пять. Пунктуальный Алексей ровно в пять открыл дверь доверенными ему еще с болезни матери Артура ключами, зашел и увидел, что Артур перетягивает Соне руку. И вот они едут с Соней и Антошкой в трамвае через весь город – «К маме!»

Он любил Соню с девятого класса, с того самого момента, когда учительница привела ее в класс и сказала: «А у нас новенькая, прошу любить и жаловать!». Худенькая девочка со светлым хвостиком волос, немножко торчащие ушки, носик с веснушками – ничего особенного. Но потом он увидел ее глаза необыкновенного фиалкового цвета. И где-то внутри у него сказалось: «Фиалка...» А потом она отвечала на какие-то вопросы учительницы. Голос был необыкновенного тембра, нежный, мелодичный. И внутри опять отозвалось: «Флейта...». А вскоре праздновали Новый год, устроили школьный вечер-маскарад. Соня была в

костюме сказочной волшебницы с палочкой из цветного стекла в руках. И он подумал: «Фея...» И с тех пор, когда он думал о Соне, эти три слова, которые он никогда не произносил вслух, казались ему началом какого-то таинственного, дивного стихотворения, продолжения которого не хотелось знать. Потому что для сладкой счастливой боли достаточно было подумать: «Фиалка, флейта, фея...», словно в этих словах была закодирована его тайная любовь. На уроках он без конца оглядывался на Соню, и она сияла ему в ответ фиалковыми глазами. Потом перестала сиять, отводила взгляд. Он удивился такой перемене, стал искать причину. И вскоре заметил, что сидевший рядом с ним Артур тоже оглядывается на Соню. И Соня сияла взглядом Артуру, а не ему, Алеше. Это было больно, но справедливо. Ведь Артур был красивее, умнее всех в классе. Что поделаешь... Алеша еще не знал, что это любовь, и что она на всю жизнь. Дружба их с Артуром выдержала это испытание.

Они познакомились с Артуром в самый первый день своей жизни – родились в один мартовский день, их матери лежали в одной палате. Мать Артура была крупной женщиной, и ее сын родился весом почти пять килограммов, Алеша же не дотягивал до трех. У матери Артура долго не появлялось молоко, а хрупкая маленькая мать Алеша этим молоком заливалась и кормила обоих. Матери смеялись и говорили про них: «Молочные братья». Они и потом поддерживали добрые отношения, говорили по телефону, но тесной дружбы не случилось. Мать Артура была старше на 12 лет, ребенок был поздним, вымоленным, единственным. Муж её занимал в городе высокий пост. Она сразу оставила работу и посвятила жизнь сыну, стала с детства готовить мальчика к счастливой осмысленной жизни – музыка, английский, балетные танцы, теннис. Алешин отец оставил семью, когда сыну еще и годика не исполнилось, уехал из города, и Алеша его не знал. Мать, учительница, растила его одна. Они с Артуром жили недалеко друг от друга, попали в одну группу детского садика, оба рано научились читать, и вместе пошли в школу, когда им ещё не исполнилось семи лет. Они не просто дружили, единственные дети в семье, они подсознательно искали родства, братства. Артур был крупнее, сильнее. С самого детства сложилось – Артур был первым, ведущим. Алеша радостно шел ведомым. Дружба с Артуром поднимала Алешу в собственных глазах. В доме Артура узнал он счастье детских праздников, дней рождений, новогодних елок с играми, подарками, сюрпризами. Алеша был там первым и желанным гостем. Артура хорошо одевали, он быстро вырастал из своей одежды. И красивые, практически новые костюмчики, футболки, шорты переходили к Алеше, как к младшему братишке. Алешу это не только не обижало, наоборот – он был счастлив, словно это еще больше приближало его к другу. Он хотел быть во всем похожим на Артура, подражал ему, восхищался им. Артур был сдержаннее, относился к Алеше покровительственно, но в обиду не давал, доверял все свои мальчишеские тайны. Твердо знал – друг не подведет. Артур учился отлично, Алеша тянулся за ним. И в классе они были так же: Артур – первым учеником, Алеша – вторым. Они вместе занимались, читали одни и те же книги.

В шестом классе открыли для себя фантастику, мечтали, что станут космонавтами, совершат великие подвиги. Артур увлекся физикой, читал сначала научно-популярные, потом более серьезные книги по физике. После прочтения одного фантастического рассказа Артуром овладела безумная идея – преодолеть гравитацию. Да. Решено! Он станет знаменитым физиком и сделает великие от-

крытия. И когда он об этом говорил, глаза загорались особенным блеском, лицо вспыхивало нервным румянцем. Алеша смотрел на друга с восторгом и верил – все так и будет. У самого Алеши не было таких честолюбивых мечтаний. Он собирался стать врачом, потому что этого хотела мама. Сам он чувствовал бесконечную жалость ко всему живому, ни веточки зря не сломит, ни муравьишки не затопчет. И не знал даже, что для врача это и есть самое главное – любить и жалеть. С замиранием сердца он пытался осмыслить, как это так – в маленьком семечке изначально заложено, каким будет растение, какие у него будут цветы и плоды. Артур в запале от собственных великих планов, внушал Алексею, что тот должен стать не простым врачом, а ученым, открывающим тайны жизни. Надо не бояться ставить себе великие цели! Алеша смущался, но слушал друга с восторгом.

Однажды Артур поделился своими мыслями с учителем физики. Тот выслушал. Вряд ли что серьезное получится у мальчишки, но молодой, у него же все еще впереди... А вдруг! Мало ли о чем мечтается в молодости, а потом становишься учителем физики в школе. Хотя хорошим учителем стать тоже не просто. Потом он засмеялся громко, но не слишком весело, и сказал:

– Артур, то, о чем ты говоришь, – безудержная фантазия. «Страна Нигде и Никогда». Потому что это противоречит всему, что мы знаем о физической природе вещей. Не забивай себе голову. Хотя, конечно, я верю, что с твоими способностями, упорством ты станешь хорошим физиком, и, вполне возможно, откроешь что-то интересное и значительное.

И он покровительственно похлопал его по плечу. Артур был уязвлен и по дороге домой все повторял Алексею: «Ну надо же – Страна Нигде и Никогда. И я найду туда дорогу!» Даже сочинил песню и пел ее под гитару. Природа не поскупилась, наделяя Артура талантами. Алексей помнил пару куплетов:

Ведь ты – везучий и счастливый,
Шагай смелей, иди туда,
Где ждет тебя нетерпеливо
Страна Нигде и Никогда!
Иди сквозь бури, сквозь туманы,
Тебя ведет твоя звезда.
Она откроется неожиданно –
Страна Нигде и Никогда!

Песня понравилась всему классу, и ее с удовольствием распевали во время походов. И пока пели, казалось, что да, именно так и будет, каждый может добиться всего, чего захочет.

А в начале одиннадцатого класса случилось то, что Алеша теперь не мог вспоминать спокойно – душа корчилась, словно береста на огне. Потому что это был тот роковой камень судьбы, на котором написано, что будет, если пойдешь налево или направо. Там их дороги с Артуром разошлись. Вернее, Алешу на свою дорогу вытолкнули. Если бы он только знал!.. Если бы он мог все вернуть, он бы зубами вцепился в Артура, как собачонка, но не позволил бы ему остаться. А он еще и обиделся тогда на Артура. Но ведь оба они еще ничего не знали о жизни, им было только по 16 лет. В субботу, к вечеру они шли в школу на консультацию

по физике. Класс был выпускной, и учиться надо было очень серьезно. Возле подъезда стояла компания подростков во главе с вожакom по кличке Горох. Горох был старше их года на четыре, давно бросил школу. Они с Артуром всегда обходили стороной эту компанию, и Горох их не трогал. Но тут вдруг преградил дорогу и с улыбкой спросил:

– Куда спешите, школяры?

– Куда же еще? В школу, на физику! – в тон ему улыбнулся Артур.

– И что только люди находят в ней интересного, в этой физике? Вот – солнце, вот – пиво! Вон девчонки ходят! При чем тут физика?! – насмешливо отозвался Горох.

И тут случилось то, чего Алеша никак не ожидал. Артур «завелся». Он вдруг начал говорить о физике. Горячо, интересно, убедительно, как он это умел. Ребята и сам Горох притихли.

– Нам пора, Артур! – напомнил Алеша.

– А ты, Леха, иди, тебя никто не держит, а вот Артур нам кое-что расскажет. Обойдется без консультации. Он и так физику знает лучше всех.

– Артур! – опять позвал Алеша.

– Иди-иди! – уже со скрытой угрозой произнес Горох.

– Артур, опаздываем! – взывал Алеша.

– Иди, Леша, я догоню! – сказал Артур.

Артура окружили, смеялись, хлопали по плечу, говорили что-то льстивое. Алеша повернулся и пошел с неясной обидой в душе. И вот этого он потом не мог себе простить.

Артур пришел через час, извинился перед учителем, сел рядом, и от – него по-взрослому пахло табаком и пивом. Но заковыристые задачи по физике решил первым. С тех пор у Артура появились от Алеши тайны. Во-первых, он уже не шел вместе с Алешей домой, а ходил провожать Соню. Во-вторых, у него появились какие-то дела с Горохом, о которых он Алеше не рассказывал. А когда тот однажды спросил его об этом, он с вызовом сказал:

– Там есть хорошие ребята. Я их уведу от Гороха. Посмотрим, кто кого!

И не стал посвящать друга в подробности. Они с Артуром стали реже встречаться, в отношениях между ними появился холодок, и хотя они по-прежнему сидели за одной партой, но прежней близости не было. В этот последний школьный год у Артура случались досадные промахи, в классном журнале против его фамилии появлялись четвёрки. И характер у него испортился, он мог неожиданно сорваться, наругать учителям. Ожидаемую золотую медаль Артур не получил.

И все-таки поступать в институты они поехали вместе. В Москву. Держать так держать! Артур в МГУ, Алеша в медицинский. В МГУ приезжали самые умные ребята со всей страны. Но умных в стране много, а мест в университете гораздо меньше. Артур в университет не прошел по конкурсу. Алеша поступил в медицинский, с некоторым даже мистическим чувством сознавая, что ему невероятно, несказанно везло на экзаменах, даже тогда, когда его явно хотели провалить, он каким-то чудом выходил на правильный ответ. Судьба. Артуру предложили поступить в другой институт, где был недобор. Алеша уговаривал его согласиться, мол, потом можешь перейти в МГУ. Должно быть, это была гордыня – Артур решил уехать, год готовиться, а потом снова штурмовать невзятую высоту. На вокзале, провожая друга, Алеша чувствовал себя предателем.

Сначала они переписывались, потом Артур перестал отвечать. А летом, приехав на каникулы, Алеша узнал от матери, что Артура весной взяли в армию, хотя его отец, наверняка мог бы выхлопотать для сына отсрочку от армии. Он бросился к родителям Артура. Мать встретила его ласково. Прослезилась. Толком ничего не объясняла, только проговорила, что отец отправил сына от греха подальше. Армия, мол, наставит мужчину на путь истинный. Замирая от волнения, Алеша пришел к Соне. Соня держала себя с ним сдержанно и отстраненно, о своих отношениях с Артуром ничего не рассказывала. Они сходили вместе с одноклассниками в кино, он проводил Соню, и они немного посидели на скамеечке, на бульваре возле дома. Алеша умирал от желания прикоснуться к такой близкой Сониной руке. словно почувствовав это, она вдруг сказала: «Ты знаешь, я ведь ездила навестить Артура. Он служит в танковой части. Знаешь, какие у него руки? Вот такие огромные, красные, в цыпках, и под ногтями солярка...» Он почувствовал в ее словах упрек и спрятал в карманы свои белые, чистые руки. Соня училась в родном городе, в педагогическом институте, летом работала вожатой в городском пионерлагере. Одноклассники и преподаватели терялись в догадках, почему так сложилось у Артура, самого талантливого парня их выпуска. Алеша устроился работать в больницу санитаром. Вечерами ходил и смотрел на освещенное окно Сони. Был счастлив, если удавалось заметить ее силуэт.

Через два года мать написала ему, что Артур вернулся из армии, поступил в местный политехнический институт, и они с Соней поженились. Алеша не был удивлен, ведь так и должно было быть. Конечно же, они счастливы. Алексей встречался со своей однокурсницей, она ему нравилась, возможно, к окончанию института они поженятся. Но его чувства даже отдаленно не напоминали тот душевный трепет, который он ощущал от одного взгляда на Соню, от звука ее голоса. Об этом надо забыть. С первого курса Алеша занимался в студенческом научном обществе, истово учился. Кто учился в медицинских институтах, тот знает, какая там нагрузка. Уже тогда Алеша понял, что работа спасает от всех бед, всех душевных травм, вытесняет все печальные мысли.

Летом он ненадолго приехал домой. Не хотел встречаться с Артуром и Соней. Робел. Позвонили одноклассники, решили устроить встречу. Собрались у Артура. Алеша с грустью увидел, как постарели и как-то сникли родители Артура. Артур крепко пожал ему руку, Соня издала ласково кивнула головой. И Алеша тут же с ужасом понял, что ничего не прошло, и ничего не забылось, и как специально ни старался, никак не мог вспомнить лицо однокурсницы. Он тут же пожалел, что пришел. Встреча прошла весело. Вспоминали школьные проделки, хохотали. Потом кто-то затянул песню про Страну Нигде и Никогда. Артур изменился в лице, твердо сказал: «Не надо!» Когда расходились, прощались, Алеша заметил, что Соня ждет ребенка. Что ж, от любви рождаются дети. Артур пошел его провожать. Молчали. Алеша чувствовал – с другом что-то происходит. Они сели на скамейку, Артур закурил. Алеша спросил: «Что с тобой?» И Артур, помолчав, ответил: «Тоска...» Алеша изумился – жениться на Соне и тосковать?! И словно в ответ на его мысли Артур сказал:

– Не надо мне было жениться на Соне! Я схватился за соломинку, а она меня не держит.

– Что ты говоришь?! Что ты говоришь, подумай?! – ужаснулся Алеша.

Артур ничего не ответил. Поднялся. На прощанье вдруг обнял его, похлопал по плечу:

– Ты молодец, Лешка! Это тебя ждет Страна Нигде и Никогда!

Зимой мать написала ему, что Соня родила мальчика, а родители продали машину и повезли Артура к знаменитому врачу – лечить от наркомании. Институт Артур бросил. Через полгода родители обменяли свою роскошную квартиру на двухкомнатную хрущевку и повезли Артура к другому врачу. Еще через полгода его отец скоропостижно скончался от инфаркта, вскоре тяжело заболела мать. Алексей с ужасом читал письма из дома.

Однажды Алешин отчет по результатам научной работы был опубликован в студенческом научном журнале. Вскоре Алешу нашел руководитель лаборатории закрытого научно-исследовательского института в Подмоскowie, так называемого «ящика», занимавшегося биохимическими исследованиями. Ему случайно попался на глаза этот журнал. Он поговорил с Алешей, выхлопотал ему допуск в свой «ящик», привлекал к работе, с интересом разговаривал с ним. На старших курсах Алеша вплотную работал с этим руководителем по научно-исследовательской теме. Пожалуй, даже можно было сказать, что они подружились. Руководитель обещал сделать все возможное, чтобы Алешу распределили на работу в их институт. Однажды Алеша рассказал ему об Артуре и высказал свою тайную, заветную мечту – биохимическим путем обезвредить наркоманию. Он считал, что в принципе это возможно. Тот, усмехнувшись, понизив голос, словно открывая личную тайну, сказал:

– Это только частный случай, Алеша. Мы будем работать над общей задачей.

И в глазах его Алеша увидел уже знакомый ему лихорадочный блеск. Как у Артура.

А потом рухнул Советский Союз, да так неожиданно быстро, как будто все его несущие конструкции были подпилены или сгнили, и для развала достаточно было совсем небольшого толчка. Алеша заканчивал учебу, когда в научно-исследовательском институте начались сокращения, увольнения, невыплаты зарплаты. О работе для Алеши уже не было смысла и говорить. Мать ушла на пенсию по инвалидности, просила его вернуться. Она выхлопотала ему вызов, и Алеша приехал домой. Его направили работать на станцию скорой помощи. Неожиданно Алеша проявил себя, как хороший диагност. У него прорезалось профессиональное чутье. Его заключения подтверждались в больнице, если больного приходилось туда везти. Чаше он старался оказать больному помощь сам.

Он жил и работал в родном городе, но ему страшно было увидеть Артура и Соню, и какое-то время он все не мог заставить себя встретиться с ними. Он не знал их нового адреса и не искал его. Случай распорядился сам. Поздним вечером поступил вызов – высокое давление у пожилой женщины. В вызове была записана фамилия Артура. Дверь открыла Соня. Алеша кивнул ей, быстро прошел в комнату. Мать Артура, задыхаясь, смотрела на него, пытаясь поднять голову с подушки. И Алешу обожгло чувство вины и сострадания. Кардиограмма была вполне приемлемой, ничего серьезного. Фельдшерица сделала укол. Алеша посидел рядом, внимательно посмотрел. Понял, что у нее есть более серьезная болезнь. Она сказала:

– Алешенька, я рада, что у тебя все хорошо... А у нас все плохо. Артур... Отец... Ты врач... Помоги, если можешь...

Она не заплакала, и он понял, что все слезы выплаканы. Он сказал:

– Я сейчас на работе. Завтра зайду. Обязательно.

Уходя, снова кивнул Соне: «До завтра». Судя по всему, Артура не было дома.

На следующий день он поспал до обеда, потом собрался к матери Артура. Дверь опять открыла Соня. Благодарно просияла фиалковыми глазами. Он прошел в комнату матери. С замиранием сердца слушал ее тихий рассказ о крушении всех надежд, о неизлечимом пристрастии Артура, о скоропостижной смерти отца, о которой она говорила с неожиданной обидой:

– Он оставил меня. Я одна не справляюсь с жизнью.

И помолчав, добавила:

– Это мы с отцом виноваты. Мы все внушали сыну, что он талантливый, что у него будет необыкновенная жизнь. Вот теперь к обыкновенной жизни рядового человека он не готов и не в силах ее перенести.

Потом они с Соней пили пустой чай из щербатых чашек. Он огляделся и увидел, что в квартире ничего не напоминает о прежнем достатке. Догадался, что они просто голодают. Соня тихо рассказывала ему, что в школе у нее замечательный класс, и работа ей нравится. Вот только перестали платить зарплату, а матери задерживают пенсию. Артур подрабатывает грузчиком в магазинах, на рынке. Но не всегда ему хватает силы воли донести заработанное до дома. Проснувшийся трехлетний Антошка робко взял у него из рук протянутый батончик «Марс», который вчера на вызове подарили Алеше в благодарность за помощь, сел рядом, доверчиво прислонился к плечу, подставил под ладонь головенку с мягкими волосиками. И Алешу пробило. Он понял, что мать Артура, Соня, Антошка, все время отсутствующий Артур – это тоже его семья, и он несет за них ответственность. А робко улыбающаяся молодая женщина рядом уже не фиалка, не флейта, не фея, просто сердечная боль, которая называется «Соня».

Пришел Артур, встретил его улыбкой, но выглядел каким-то заторможенным, зрачки сужены. Алексей все понял. Поклялся себе: «Вытащу!» Заразил надеждой Артура, Соню, мать Артура. Они встречали его, как пророка, несущего благую весть. Видит Бог, он старался. Не вытащил. Не сумел. К концу года умерла мать Артура. Алеша помогал ей, чем мог, по крайней мере, она не страдала от сильных болей. Он сам ездил делать ей обезболивающие уколы. Тогда и отдали ему запасные ключи от квартиры. Что было в его силах? Старался заработать, где только мог. Свой заработок делил пополам, кормил свою мать и семью Артура. Было не до мечтаний о великих делах, о захватывающей работе, о научных перспективах. Надо было просто элементарно выжить в эти особенно тяжелые первые два года. Он справился. Он выжил и сумел помочь выжить Соне и Антошке. Но не спас Артура и его мать. Это было невозможно.

Однажды он приехал по вызову – высокое давление, нарушение сердечного ритма. На кровати лежал бледно-зеленый, с красными пятнами по всему телу и сумасшедшими глазами, Горох. Квартира была богато обставлена. Возле Гороха хлопотала красивая – кровь с молоком – молодая женщина, в глазах у нее сверкали слезы, а в ушах бриллианты: «Витюша, Витюша...» Вот как, оказывается, Гороха зовут, – Витюшей! Имя есть у человека. Красавица умоляла: «Доктор,

помогите!» Сделали уколы, поставили капельницу. Он созвонился со станцией, принял еще вызов. Оставил рядом с Горохом фельдшера. Потом вернулся. Горох приходил в себя, оживал. Давление, кардиограмма – пойдут! Вылезли. Женщина засуетилась:

– Что мы вам должны, доктор?

– Сколько не жалко.

Она протянула не самую большую купюру. Он обозлился и, усмехнувшись резко спросил:

– Вы так дешево цените жизнь мужа?

Горох распорядился:

– Дай ему сто долларов, Лида!

А когда он повернулся уходить, вдруг сказал:

– А ты ведь благодарить меня должен, Леха!

– За что?!

– За то, что я прогнал тебя тогда. Где бы ты сейчас был, доктор!

– Почему же прогнал?

Горох засмеялся:

– Во-первых, с тебя взять было нечего, сколько там зарабатывала твоя мать-училка? А Артурка сразу стал доход приносить. А во-вторых, когда моя сеструха заболела, и у нее был экзамен на осень, твоя мать ее бесплатно подготовила. Горох добра не забывает! Высшее образование у сеструхи! А если бы не я, пропала бы. Сейчас в моем магазине торгует!

– Опять перепьешь, зови. За те же деньги! – сказал Алеша.

Горох уберется от наркомании, но метил в алкоголики.

Вот, наконец, трамвай дополз до Сониной остановки. Алексей медленно поднялся по лестнице. Постоял возле двери. Позвонил. Соня открыла, встретилась с ним глазами и поняла все. Губы почти беззвучно шевельнулись: «Артур?!» Алексей молча кивнул и едва успел ее подхватить. Ноги не держали ее, она сползала по стенке на пол. Алексей понес ее в комнатушку, в которой размещались Соня с Антошкой и Сониная мать, посадил ее на диван, где, свернувшись клубочком, еще спал Антошка. Принес с кухни стакан воды, дал приготовленную таблетку. Соня послушно проглотила таблетку, запила водой. Он сказал ей:

– Поплачь, Соня!

– Я почему-то ни разу с тех пор не плакала. Вот тут, в груди все болит, а слез нет. Надо что-то делать... похоронить по-человечески.

– Я сделаю все, что надо, Соня, ты не волнуйся!

Он держал ее за руку, чувствовал ее воробьиные косточки. Сколько же она пережила!

Алексей вышел на улицу. Уже рассвело. Осенний день навалился на город, цеплялся за крыши высотных зданий темным косматым брюхом туч, сочившихся моросью и тоской. Он стоял под моросящим дождем, не замечая его, и вспоминал последнюю улыбку Артура. Он понял, наконец, эту улыбку. Артур не хотел больше жить, не хотел бороться, не хотел больше быть обузой другу, жене, Антошке. Он все точно рассчитал, все подстроил. Он знал, что Соню Алексей ему не простит. Так и разыгралась финальная сцена драмы точно по замыслу Артура. Артур всегда был умнее его.

Но что ж толку стоять под дождем? Надо же что-то делать! Алексей мысленно прикинул, сколько у него денег, и усмехнулся своей наивности. Он собирался скопить какие-то средства и ехать куда-то искать лабораторию, где он смог бы работать над идеей, которая не давала ему спокойно жить. Какая глупость! И денег мало, и лабораторий давно никаких нет, а когда будут, он уже постареет, погаснет, забудет все свои озарения. Придут другие дерзкие мальчики, будут работать, делать теоретические обоснования, ставить бесконечные опыты. У них будут разочарования, но будут и успехи. Их много, мечтающих об открытиях. Их – тысячи. И кто-нибудь, обязательно, рано или поздно, пойдет по тому пути, который он просчитал про себя. Он чувствовал, что это верное направление. Но что же поделаешь, его жизнь пришлось не на то время, и он находится не в том месте. Пора перестать мечтать, нужно просто жить и работать. Ему надо вытаскивать Соню и Антошку. Это неважно, что Соня его не любит. Главное, что он любит ее. И с этим уже ничего нельзя поделать. Может, это его болезнь, его одержимость, его наркотик. Он приговорен к этой женщине пожизненно. Дружескую помощь она примет. Даже просто быть возле нее – он и этим будет счастлив.

Да, своих денег на похороны не хватит. Сейчас он позвонит всем бывшим одноклассникам, ребята помогут. Еще надо оформить нужные документы, справки... Думая о конкретных делах, он постепенно успокаивался. Несколько дней он будет загружен по горло. И ему не до сожалений по поводу собственной неудавшейся жизни. Он жив, здоров, и ему есть о ком заботиться. Не знает он дороги в волшебную «Страну Нигде и Никогда». И не надо...

Алексей не знал, что уже достучался в эти невидимые, скрытые от людей высшие, таинственные, судьбоносные сферы. Потому что есть такой справедливый закон – когда ты чего-нибудь очень сильно хочешь и долго, упорно, неустанно думаешь об этом, работаешь, добиваешься своей цели, тогда там, в этих сферах, наконец, начинают тебя замечать. И для него уже приоткрылось окошечко, в которое некто могущественный, наконец, увидел его. Смотри-ка, этот человек хочет работать и любить! Ишь, какой упорный! Что ж, пожалуй, он заслужил свой шанс! Алексей еще не знал, что события стали кристаллизоваться так, как ему необходимо, и уже разворачиваются в нужную ему сторону. И все случайности жизни будут теперь ложиться ему под ноги, как камешки, по которым удобно идти.

Алексей этого еще не знал. Но где-то состоялись важные переговоры, и уже были написаны и подписаны серьезные бумаги с печатями. И спустились с неба деньги, которые называются «грант», и сделаны заявки на иностранные визы. Его руководитель, который всегда о нем помнил, – он ценил хорошие мозги и упорство молодого помощника, – первым включил его в список сотрудников научно-исследовательской лаборатории при знаменитом университете мира и, поразмыслив, вписал рядом с его фамилией вполне достойную сумму зарплаты. Не так уж много, и не так мало, а столько, чтобы Алеша о них не думал, и своим отсутствием или избытком они не мешали бы ему работать. Завтра в квартире Алексея прозвенит судьбоносный звонок. Сегодня, под этим хмурым, морозящим осенним небом он еще не знал, что у него есть ЗАВТРА.

